

А. Н. БОЛДЫРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПЕРСИДСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Процесс становления и развития литературного языка в условиях феодального общества — литературного языка народности — исторически предваряет и подготавливает формирование литературного языка нации; именно этим определяется теоретический интерес изучения данного процесса в отдельных странах и у отдельных народов. Так, анализ фактов развития литературного языка в Китае и Японии позволил Н. И. Конраду сформулировать несколько выводов вполне принципиального характера: едва ли не важнейший из них заключается в выявлении общественного значения смены «средневекового литературного языка» нарождающимся национальным языком со складывавшейся в то же время его литературной нормой, в раскрытии антагонистического характера этой смены¹. В свете такого исторического понимания смены литературных языков обогащается наше представление о литературном языке как общественном явлении: литературный язык — это не только «язык народа, отшлифованный писателями» данного (в общераспространенном понимании — нового и новейшего) времени; в действительности литературный язык «шлифуется» еще и длительным, сложным процессом развития всего языка в целом, от языка племени к языку нации.

Путь развития китайского и японского, литературного языка характеризуется, как показал Н. И. Конрад, отказом от «старых языков» («вань-янь» и «бунго») в результате долгой и упорной общественной борьбы. Все же, несмотря на различия между «старыми» и «новыми» литературными «языками», в этом случае речь идет о смене двух «исторических форм» одного и того же языка, а не о смене разносистемных языков. Но, как свидетельствует история, наряду с этим существует и другое явление — замена чужого языка, занимавшего положение литературного, языком своим, языком народности, осуществляющей самостоятельное политическое развитие. Именно такая картина наблюдалась в средние века в Средней Азии и в Иране: там происходит отеснение арабского литературного языка так называемым «новоперсидским». Общим для обоих путей развития является то, что как в первом, так и во втором случае на место старого письменного языка становится один из диалектов народно-разговорной речи².

*

Становление «новоперсидского» языка в качестве языка литературного — в указанном историческом смысле этого слова — следует рассмат-

¹ См. Н. И. Конрад, О литературном языке в Китае и Японии, ВЯ, 1954, № 3, стр. 25; выводы на стр. 40.

² Для народов Средней Азии и Ирана здесь имеется в виду, конечно, только период после арабского завоевания.

ривать независимо от вопросов его формирования и предшествующего развития в качестве разговорного языка определенной народности в конкретных исторических условиях¹. Поэтому в нижеследующем изложении термином «персидский язык» обозначается тот литературный язык, который был распространен под названием «pārsīyi dāri» (также просто «pārsī» или «dāri») в письменности народов Средней Азии, Забулистана, Северной Индии, Ирана и Азербайджана с конца IX до начала XVI вв. В течение этого периода на всей указанной территории, населенной разноязычными народами, персидский литературный язык не обнаруживает признаков какой-либо дифференциации локального характера в области морфологии, синтаксиса и словарного состава. Как отмечает Е. Э. Бертельс, «... до XV в. (включительно. — А. Б.) провести грань между литературами таджикской и персидской по языковому признаку невозможно»².

Среди многочисленных данных, имеющих в источниках, о месте и времени первых опытов письменного применения языка «pārsīyi dāri» наиболее правдоподобным, с точки зрения соответствия конкретным историческим условиям, представляется сообщение, которое мы находим в «Истории Систана» (часть, написанная около 1070 г.), приурочивающее выступления первых персоязычных поэтов к торжественному моменту победы антиарабского народного движения под руководством Якуба Саффари при воцарении его в Герате в 867 г.⁴ Военные успехи Якуба принудили халифатские власти санкционировать его права на управление областями Систан, Кабул, Керман и Фарс. Ниже приводим в точном переводе очень показательные строки:

«Якуб успокоился и, собираясь в обратный путь⁵, отправил письмо Усману, сыну Аффана, с приказанием читать на себя хутбу и намаз⁶, так что Усман провозглашал на него хутбу три пятницы подряд. Якуб вернулся [в Герат] и убил нескольких оставшихся там непокорных и забрал их имущество. Тогда поэты сочинили в его честь арабские стихи:

Аллах облагодетельствовал горожан и селян
Властью Якуба достойного и сильного...⁷

Когда огласили эти стихи, Якуб — а он был неуч — не понял их. При этом присутствовал Мухаммад, сын Васифа, который был дабиром⁸ и хорошо знал грамоту (adab). А в это время персидской письменности (nāmayi pārsī) не существовало. Тогда Якуб сказал: „Зачем говорить то, чего я не постигаю?“.

Тогда Мухаммад, сын Васифа, и начал сочинять персидские стихи (šī'ri pārsī guftan girift) и был первым человеком среди неарабов ('aĵam), сочинившим персидские стихи. До него никто не сочинял, ибо пока существовали домусульманские иранцы (pārsīyān), то у них стихи (suxan) распевали под арфу (rūd) на мелодию хусравани (ba tarīqi xusravāni). Когда же персы ('aĵam) были исторгнуты и приняли арабы, то среди персов распро-

¹ О новой концепции происхождения «понаперсидского» языка см. Е. Э. Бертельс, Персидский—дарн—таджикский, «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 55.

² Только так называли его, как известно, например, Фирдоуси и Насири Хосров.

³ Е. Э. Бертельс, указ. соч., стр. 65. Таким образом, перед нами явление временной одноязычности в литературной деятельности нескольких народов (таджиков, персов, азербайджанцев, индийцев и др.).

⁴ См. «Тарихи Систан», изд. М. Бехара, Тегеран, 1314/1935, стр. 209. Таким образом, в основу литературного языка «парси дари» легла народно-разговорная речь таджиков восточного Хорасана.

⁵ Т. е. собираясь вернуться из похода в захваченный ранее Герат. Упомянутый дальше Усман, сын Аффана, — ставленник Якуба в Герате.

⁶ Прерогатива суверенного правителя.

⁷ В тексте два крайне примитивных арабских бейта.

⁸ Т. е. дьяком-письмоводителем.

стравнились стихи на арабском языке и все они знали арабские стихи. До Якуба среди персов не появлялось ни одного человека, который бы достиг того величия, чтобы в его честь сочиняли стихи, за исключением Хамзы, сына Абдаллаха аш-Шари, который был образован и знал арабский язык. Его поэты сочиняли на арабском языке, и воины его в большинстве были из арабов и газиями. Когда же Якуб убил Зембила и Эммарэ-мятежника и взял Герат и когда ему отдали в управление Систан, Керман и Фарс, то Мухаммад, сын Васифа, сочинил следующие стихи:

О эмир, которому эмиры мира, избранные и простые —
рабы, и слуги, и клиенты, и собаки, и вевольники!
На скрижалях начертаны предвечные письма:на
Царство отдайте Абу-Юсуфу Якубу, сыну Лейса, герою!.. 1]

Это длинное стихотворение, мы привели здесь лишь небольшую его часть. Бассам Курд принадлежал к тем мятежникам, которые вышли к Якубу с повинной. Когда он увидел то, что делает сын Васифа в отношении стихов, то он тоже стал сочинять стихи, и был он образован и так описывает в стихах эпизод уничтожения Эммарэ². Затем Мухаммад сын Мухаллада³, также систанец по происхождению, человек образованный и поэт, тоже взялся за персидские стихи⁴. Вслед за тем все стали сочинять [персидские] стихи, но первыми были они, [до них] никто не брался за стихи на персидском языке, кроме Абу-Нуаса⁵, который вводил в свои стихи персидские слова ради шутки (tanzağ)⁶.

*

Процесс дальнейшего распространения персидского литературного языка протекал очень интенсивно и хорошо известен науке. Нет никаких сомнений в том, что в Средней Азии и Хорасане арабский язык в начале X в. уже больше не занимал первенствующего положения в области поэзии, в том числе в придворной панегирической. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего огромным политическим значением придворной поэзии в условиях феодального общества. Панегирик («касыда») с его синтетическим содержанием удовлетворял самым острым политическим злободневным потребностям господствующей верхушки, прежде всего потребностям борьбы за самостоятельность саффаридского и саманидского государств.

Насколько мне известно, до сих пор исследователи не обращали достаточного внимания на тот весьма примечательный факт, что начало вытеснения арабского языка из области прозы, прежде всего — внелитературной⁷, обозначилось почти на столетие позже, чем в области поэзии.

Одним из первых опытов применения персидского языка в прозаическом тексте является точно датированное и дошедшее до нас так называемое «Абумансуровское» предисловие к «Шах-намэ», написанное в Тусе в апреле 957 г., когда Рудаки уже не было в живых, а поэзия была предста-

¹ В тексте еще 4 двустишия в таком же духе.

² Далее в тексте 5 подобных же двустиший.

³ М. Бехар читает «Махлад» («Сабкшинаси», т. II, Тегеран, 1942, стр. 3 введения).

⁴ Далее в тексте 3 аналогичных двустишия.

⁵ Известный арабский поэт начала XI в. Правильно отмеченная автором «Тарихи Систан» особенность его поэтического языка носила, повидимому, цародийный («макаронический») характер и не имела никакого значения для становления персидского литературного языка в целом.

⁶ «Тарихи Систан», стр. 209 и сл.

⁷ Термином «нелитературная проза» мы здесь условно обозначаем язык научных сочинений, не рассчитанных на эмоциональное воздействие средствами художественной образности и художественного вымысла.

влена блестящей и многочисленной плеядой саманидских стихотворцев. Следующими прозаическими произведениями на персидском языке были, как известно, переводы «Истории» (963 г.) и «Тефсира»¹ Табари (около того же времени), «Фармакология» Моваффака Харави и т. д. Персидский язык постепенно завоевывал область научной, внелитературной прозы, на первоначальном этапе не имевшей того значения для идеологического воздействия, которое имела поэзия, и в связи с этим позже подвергшейся «переводу» на персидский язык. В этой области традиционное применение малоопытного (понятого для сравнительно гораздо более узкого круга лиц, особенно в Хорасане и Мавераннахре) арабского языка держалось дольше. Вытеснение арабского языка персидским проходило в результате очень упорной и длительной борьбы.

Приведем некоторое количество фактов из области этого весьма интересного с точки зрения смены литературных языков явления. Не подлежит сомнению, что питателью арабоязычной традиции являлась мусульманская богословская литература, и у нас нет никаких сведений о попытках внедрения персидского языка в эту область до середины X в.²

Первое известие об употреблении персидского языка в области мусульманской богословской литературы было найдено В. А. Жуковским³. Обнаруженный и опубликованный им текст содержит рассказ о том, как известный богослов саманидского Мавераннахра Абуль-Касим Хаким Самарканди (умерший в 342/953—54 г.)⁴ был избран для составления богословского сочинения, направленного против распространившейся в саманидских владениях шиитской ереси. Приводим следующие за тем строки в переводе Жуковского: «Тогда он сочинил эту книгу на арабском языке, и все улемы одобрили (ее). Потом саманидский эмир приказал перевести эту книгу на персидский язык, чтобы польза была и знатым, и черни⁵ и чтобы хорошо знали учение „сунны“ и были далеки от ересей с помощью великого и славного бога и его содействием».

«Итак, — пишет далее В. А. Жуковский, — мы имеем новое вполне определенное указание не только на то, с какою заботливостью Саманиды относились к духовным нуждам народа и с каким сознанием и настойчивостью вызывали к жизни временно заглохшую литературу на более понятном для народа персидском языке, но и указание на один из составленных по их приказанию литературных трудов».

Обратившие на себя особое внимание В. А. Жуковского и подчеркнутые им слова о том, что «саманидский эмир приказал перевести эту книгу на персидский язык, чтобы польза была и знатым, и черни», находят себе, как будет показано ниже, аналогию и продолжение в целом ряде других примеров. Через 10 лет после смерти Абуль-Касима Самарканди, первого известного нам автора персоязычного богословского (и даже вообще персоязычного прозаического) сочинения, в той же саманидской Бухаре имеет место второе известное нам и гораздо более значительное мероприятие по

¹ Комментарии к Корану

² Известные слова Наршахи, позволившие В. В. Бартольд у прийти к выводу о том, что в Мавераннахре «...новая вера с самого начала распространялась на народном языке...» («Ислам», Пг., 1918, стр. 77; см. также Е. Э. Бертельс, указ. соч., стр. 56), следует скорее понимать как указание на устную культовую практику, на случай своеобразного попустительства для облегчения первых шагов новой веры в завоеванных областях. Дальнейшее усиление ислама несомненно покоялось с подобными отступлениями.

³ В. [А.] Жуковский, К истории персидской литературы при Саманидах, «Записки Вост. отд-ния Русск. археолог. о-ва», т. XII, вып. 1, СПб., 1899, стр. 04; т. XVI, вып. IV, СПб., 1906, стр. 270.

⁴ О нем см. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 76.

⁵ Подчеркнуто В. А. Жуковским («tā xāss va 'zmmrā manfa'at buvad»).

внедрению персидского языка в мусульманское богословие. Это — перевод огромного «Тефсира» Табари. Такое нововведение должно было быть обставлено особенно торжественным образом и санкционировано высшей инстанцией, что самым наглядным образом засвидетельствовано в подлинном документе — в предисловии к переводу этого «Тефсира» на персидский язык, выполненному около 963 г. по приказанию эмира Мансура, сына Нуха Самани. Приводим перевод этого предисловия¹.

«Эта книга — великий тефсир, переведенный со слов Мухаммада, сына Джарира Табари, на язык парсии дари правильший (pārsiyi dariyi gāhi gāst). Эту книгу доставили из Багдада, сорок томов было там, написанных на арабском языке, и была она с длинными иснадами². Доставили ее эмиру сейиду победоносному Абу-Салиху Мансуру, сыну Нуха, сына Насра, сына Ахмада, сына Исмаила, да помилует их всех Аллах. И вот показалось ему трудным читать эту книгу и понимать ее на арабском языке и так пожелал он, чтобы перевели ее на персидский (парси) язык. Тогда собрали улемов Мавераннахра и спросил он у них фетву, будет ли дозвоительно нам эту книгу перевести на персидский [язык]? Сказали: „Читать и писать по-персидски (парси) тефсир корана для того человека, который не знает арабского, дозвоительно, на основании слов господа славного и великого, который сказал: я не послал ни одного пророка, кроме как на языке народа его“³. Кроме того, этот персидский язык был известен с древнейших времен, со времени Адама до времени пророка Исмаила, и все пророки и цари мира говорили на персидском языке, а первым человеком, говорившим по-арабски, был пророк Исмаил, а наш пророк (т. е. Мухаммад) вышел из арабов и этот коран был ему ниспослан на арабском языке. А здесь, в этой стране, языком является [язык] парси и цари этой страны — неарабские цари (mulūki 'alam and)».

Эти слова звучали в свое время как определенная политическая декларация, как своеобразный манифест. Внедрение персидского языка в новую, дотоле запретную для него область имело большое политическое значение, шло по прямому приказу свыше, выражая совершенно определенную установку господствующего слоя, и явно ощущалось современниками как необычайное новшество.

Как известно, в это же самое время в саманидской Бухаре был осуществлен перевод на персидский язык другого важного арабского научного сочинения — «История» Табари. Переводчик — известный саманидский политический деятель везир Абу-Али Бал'ами — подверг арабский оригинал значительной переработке. В предисловии на арабском языке Бал'ами говорит: «Перевел я [эту книгу] на язык парсий дари, чтобы приобщались к чтению ее и к познанию ее подданные и властители (ar-ḡa' uyat va s-sultān) и была бы она доступной для того, кто будет смотреть на нее»⁴.

¹ По тексту, впервые полностью публикуемому М. Бехаром («Сабкишнаси» т. II, стр. 15). См. также А. А. Ромаскевич, Персидский «Тефсир» Табари, «Записки Коллегии востоковедов», т. V, Л., 1930, стр. 801. Более полное описание рукописи помещено в «Nameyi Farhangistān», I, 4, стр. 37.

² Иснад — ссылка на источник предания.

³ Коран, 4, 14. В тексте сразу идет перевод цитаты на персидский язык.

⁴ Подлинное предисловие Бал'ами к переводу «Истории» приводится в трех старейших списках перевода: 1) P e r t s c h, Gotha, I, 46, P 24 и 25, два тома, переписанные, повидимому, в 713/1313 г. в Исфахане, 2) R i e u, I, 68, Add., 7622, переписан в 734/1334 г. и 3) P e r t s c h, Berlin, IV, 381, рук. 363, без даты. Текст предисловия по готскому списку неудовлетворительно издан Розегартом (см. Rosegarten, (Taberistanensis ... annales regum atque legatorum dei, vol. 1, p. XI, 1831). Хорошо известное персоязычное предисловие в большинстве списков перевода представляет собой выполненный позднейшим редактором сокращенный пересказ арабского. Последнее, в частности, содержит дату начала работы над переводом «Истории» — 352/963 г., что осталось неизвестным М. Бехару (см. «Сабкишнаси», т. II, стр. 8).

*

Процесс активного внедрения персидского языка в область внелитературной прозы разворачивался аналогичным образом и на западе, собственно в Иране, в глубоко арабизованном буидском политическом и культурном кругу X — XI вв. В этом кругу подвизался знаменитый Авиценна, написавший, как известно, преобладающую часть своих произведений на арабском языке. Однако Авиценне принадлежит несколько небольших популярных научных сочинений на персидском языке. В предисловиях к двум таким сочинениям мы также находим показательные высказывания на интересующую нас тему. Эти сочинения — «Данишнамеи Алаи» и «Куразат ат-табийат», они написаны между 1022 и 1037 г. (т. е. годом смерти Авиценны) в Исфахане для представителя династии Какуйе Алааддаулэ Мухаммада, сына Душманзиара, при дворе которого некоторое время находился Авиценна¹. В предисловии Авиценны к первому сочинению читаем следующее:

«Пришел приказ великого господина нашего [Алааддаулэ... Абу-Джафара Мухаммада сына Душманзиара] мне, рабу и служителю его престола..., что должно мне составить для служителей его престола книгу [на языке] парсийи дари, в которой должен я собрать основы и тонкости пяти наук философии древних, в очень сжатом изложении»².

В предисловии Авиценны ко второй работе сказано: «Когда на его³ высоком собрании зашла речь о явлениях природы и о книгах Аристотеля о них, приказал он сему служителю составить книгу по вопросам физическим, в форме вопросов и ответов, на языке парси, чтобы польза от этой книги была всеобщей (tā fayidayi ān' amm bāšad)»⁴.

Интересное добавление к приведенным словам Авиценны об обстоятельствах написания «Данишнамеи Алаи» содержится в другом сочинении, связанном с какуйидским двором, — «Нузхатнамеи Алаи», принадлежащем перу малоизвестного естествоиспытателя XII в. по имени Шахмардан, сын Абиль-Хейра⁵:

«И слышал я, что покойный господин Алааддаулэ сказал ходже раису Абу-Али, сыну Сины: „Если бы наука древних была изложена на персидском [языке], я сумел бы постичь ее“. По этой причине, на основании приказа, составил [Абу-Али] „Даништаннамеи Алаи“, но когда окончил и преподнес, [Алааддаулэ] ничего не смог [в ней] понять».

(Va šunīdam ki xudāvandi māzi 'Alā ad-davla qaddasa llahu rūhahu... Xāja Ra'īs Abū 'Alī ibn Sinārā guft: — Agar 'ilmi avāyil ba 'ibāratī pārsī būdi, man bitavānistāmī dānistan! Badīn sabab ba hukmi farmān «Dānistan-nāmayi 'Alāyi» sāxt va čūn bipardāxt va 'arza kard az ān hič dar natavānist yāftan).

¹ Этот Алааддаулэ правил с 1007 по 1041 г. и приходился прадедом тому самому Алааддаулэ Абу-Калинджару Гершаспу, которому посвящено «Нузхатнамеи Алаи» (см. ниже). Об этих двух сочинениях Авиценны см., в частности, у М. Бехара (указ. соч., т. II, стр. 37 и сл.). В этой же работе М. Бехара находятся тексты, перевод которых здесь привожу.

² См. также рукопись № 1676 Собрания Академии наук Тадж. ССР, л. 112 (переписана в 1266/1849—50 г.); текст совпадает. Точками обозначаем здесь и ниже пропуски панегрических формул.

³ Имеется в виду тот же Алааддаулэ.

⁴ Последние слова будут иметь значение для нашего дальнейшего изложения.

⁵ Написано между 1117 и 1120 гг. н. э. Рукописи: Pertsch, Gotha, P. 10; Sachau — E t h é, Bodl., I, 1480; Iwanow, ASB, стр. 650 (фрагмент). См. также «Сабкшнаси», т. II, стр. 52 и 161. Об этом любопытном сочинении мною подготовлена специальная работа. Здесь и ниже цитируются переводы по первому из перечисленных списков.

Причину этого досадного для Авиценны недоразумения Шахмардан видит в том, что материал книги не был расположен по степени возрастающей трудности. Как бы то ни было, в словах какуидского князька выражено важное для нас мнение о «переводе» наук с арабского на персидский язык, как о первом условии получения доступа к ним необразованного человека в Иране (подробнее см. ниже).

Мы располагаем еще одним определенным свидетельством о вытеснении арабского языка персидским в XII в. не только в Хорасане и Средней Азии, но и собственно в Иране. Это свидетельство относится к 1126 г. и принадлежит анонимному автору весьма любопытного исторического труда «Муджмаль ат-таварих», исследованного М. Казвини и Бехаром и изданного тем же Бехаром¹. «Муджмаль ат-таварих» написан в Асадабаде (Хамадан) и автор его является хамаданцем, коренным представителем местных культурных сил. Во вводных замечаниях к началу книги автор «Муджмаль ат-таварих» говорит о том, как он использовал свои источники: «... я ничего не опустил, только [ограничился] пересказыванием и данным порядком и переводом некоторых вещей с арабского на персидский так, как это принято словесностью нашего времени» (ba'z az tāzī ba pārsī tarjuma kardan ki 'ādātī nutqi vaqt ast)².

Таким образом, мы видим, как начавшийся в X в. в саманидском государстве процесс «перевода» арабоязычной образованности на персидский (т. е. значительно более доступный) язык продолжал развиваться и в последующее время, в других областях ираноязычного мира, захватывая новые области письменности. Однако, в отличие от поэзии, в которой к началу XI в. персидский язык приобрел уже значительную сложность и выразительность, применение персидского языка для изложения научного (внелитературного) прозаического текста встречало, с точки зрения авторов-современников, даже в конце XI — начале XII в. большие трудности.

Приведем несколько очень выразительных высказываний:

1. Из «Тарихи Систан»³. Автор здесь говорит, что он не хочет перегружать изложения арабскими поэтическими цитатами по следующей причине:

«Однако мы поставили себе условием [пользоваться] в этой книге только персидским [языком], разве что попадется такое место, для которого и персидского выражения не найдется».

(*Ammā šarti mā andarīn kitāb pārsī ast, magar jāyī ki andar mānīm va pārsī yāfta našavad*)⁴.

2. Из предисловия Исмаила Джурджани к его медицинскому сочинению «Захирей Хорезмшахи». Написано через несколько лет после 1110 г. в Хорезме⁵.]

¹ «Муджмаль ат-таварих», Тегеран, 1318 г.х. (там же перепечатано предисловие М. Казвини, которое, кроме того, имеется в сборнике его статей М. Бист магалей, т. II, Тегеран, 1313 г.х.).

² Там же, стр. 8; разрядка моя. — А. В.

³ Это та часть сочинения, которая, согласно исследованию М. Бехара (см. «Предисловие»), написана при Тогруле, до 1072 г.

⁴ «Тарихи Систан», стр. 324.

⁵ Текст сведен по рукописи № 385 Восточной библиотеки Ленингр. ун-та, л. 4 дата переписки 1075/1664—65 г., переписчик Хафиз Махди и по рукописи № 2398 Академии наук Тадж. ССР (список XIII—XIV вв.), л. 26.

«Постарался я так выполнить эту службу¹, чтобы [мое сочинение] можно было бы поднести со всей достоверностью и чтобы оно было достойно сокровищницы господина. Хотя сия служба выполнена на [языке] парси, но те арабские слова, которые известны и значение которых известно большинству людей и применение их по-арабски легче, — так вот такие слова приводятся по-арабски, дабы избежать высокопарности² и чтобы языкам было легче. Большинство же таких слов будет приведено и по-персидски, чтобы ничто не осталось скрытым³».

(*Jahd kard tā in xidmat čunān sāzad ki bar čunīn mahāllī arza tavān kard va xazānai in xudāvandrā bišāyad va agar čī in xidmat ba pārsī sāxta āmad, lafzhāyi tāzi ki ma'rūf ast va pīštari hardumān ma'niyi ān dānand va ba tāzi guftan sabuktar bāšad — ān lafz ham ba tāzi yād kardā āmad tā az takalluf dūrta bāšad va bar zufānhā ravāntar va az in lafzhā bištārīrā pārsī nīz gufta āyad tā hič pūšida namānad*).

3. Из «Раузат аль-мунаджжимин» Шахмардана, сына Абиль-Хейра. Это еще одно, на этот раз астрономическое, сочинение уже цитированного нами выше автора «Пузхатнамен Алаи» написано в 1073 г.

«Удивительнее всего, что когда делают книгу на персидском [языке], заявляют, что это мы сделали для того, чтобы тот, кто не знает арабского [языка], не остался бы обездоленным, а затем пишут на таком заправском дари (*dariyi vīžayi mutlaq*), который трудней арабского. Легче же всего понимать написанное употребительными словами».

(*Va az hama turfatar ān ast ki čun kitābī ba pārsī kunand gūyand az bahri ān badīn 'ibarat nihādīm tā ān kas ki tāzi nadānad bībahra namānad. Pas suxanhāyi hamīgūyand darī vīžayi mutlaq ki az tāzi dušvārtar ast va agar suxanhāyi mutadāvil gūvand dānistan āsāntar buvad*)⁴.

Приведенные цитаты ясно говорят о том, что основная трудность, с которой встречались авторы первых персидских прозаических научных сочинений, заключалась в отсутствии в персидском языке лексических средств, необходимых для адекватного выражения специального круга понятий всех областей научного знания. Очевидно, процесс внедрения персидского языка в область научного прозаического текста развивался настолько медленно, что даже к началу XII в. еще не существовало полного общепринятого арабизированного научного словаря. Более того, как ясно показывает третья цитата, первые попытки создать адекватный персидский словарь шли вовсе не по пути простого заимствования из арабской литературы, а по пути создания искусственной персидской лексики, вероятно — либо восстановлением к тому времени утраченных, либо введением нарочито создаваемых, персидских же слов⁵.

Современники хорошо ощущали порочность этой тенденции. Автор «Раузат аль-мунаджжимин» (третья цитата) осуждает ее в совершенно ясных выражениях. Вместо того чтобы создать язык более доступный, чем арабский, она приводила к обратному результату. Автор «Захирии хорезмшахи» (вторая цитата) сознательно стремится избежать применения искусственных и непонятных персидских слов, предпочитая вводить более-

¹ Т. е., как явствует из предшествующего, составить такое авторитетное сочинение, которое бы помогало хорезмшаху Мухаммаду, сыну Ануштегина, заниматься изучением медицины.

² Или: «натянутости, неестественности».

³ В данном предположении имеется еще одно примечательное высказывание автора относительно персидского языка, которое использовано ниже.

⁴ Цитируемый отрывок приведен М. Бехаром (см. «Сабкшинаси», т. II, стр. 160, где также дана дата написания).

⁵ Т. е. теми же средствами, которые применялись на наших глазах в современном Иране.

употребительные арабские заимствования. Ту же тенденцию мы находим и у Кайкауса Унсур аль-меали Зияри, автора замечательного «персидского Домостроя» — «Кабус-намэ», написанного в 1082 г. Поучая своего сына правилам эпистолярного стиля, Кайкаус говорит:

«Если письмо будет по-персидски, не пиши таким персидским языком, что люди не поймут, нехорошо это, особенно такие персидские слова, которые не [всем] известны»¹.

Можно предположить, что «ультрашуубитская» тенденция в языке персидской научной прозы была изжита на рубеже XI—XII вв. и что дальнейшее развитие этой области языка пошло по пути естественной арабизации словаря, как это делал автор «Захирей Хорезмшахи».

*

Внедрение персидского языка в область внелитературной прозы встречало, естественно, сильное противодействие со стороны представителей арабоязычной традиции. Основным их аргументом служило, повидимому, общее мнение о недостаточности, неприспособленности средств персидского языка к адекватному выражению предмета. Это мнение наиболее полно отразилось в словах корифея средневековой арабоязычной науки — хорезмийца Бируни. В последнем своем труде «Китаб ас-саидана фи-т-тыбб», написанном в Газне, в сороковых годах XI в., Бируни говорит следующее:

«На язык арабов переложены науки из всех стран мира; они украсились и стали приятны сердцам, а красоты языка от них распространились по артериям и венам, хотя каждый народ считает красивым свой диалект. Он привык к нему, пользуется им для своих нужд с привычными к нему и подобными ему. Я вывожу эту аналогию по самому себе: природным для меня является такой язык, что если бы увековечить на нем какую-нибудь науку, она чувствовала бы себя такой же чужой, как верблюд на дождевом стоке дома или жирафа среди арабских рысаков. Затем я перешел к арабскому и персидскому; в каждом из них я пришелец, с трудом им владеющий, но поношение по-арабски милее мне, чем похвала по-персидски. Правдивость моих слов узнает тот, кто рассмотрит какую-нибудь научную книгу, переложенную на персидский, как исчез блеск её; затмился смысл и потемнел лик, а польза от нее исчезла, так как этот диалект годится только для хосроевских повестей и ночных сказок»².

Можно ли предположить, что Бируни в данном случае выражал какое-то существовавшее мнение о непригодности персидского языка и для светской придворной поэзии? Этот вопрос требует дальнейших разысканий.

Конечно, и в XII в. позиции арабского языка были еще довольно сильны не только в Иране, но и в Средней Азии³. Мы опять-таки располагаем очень авторитетным свидетельством современника как о силе этих позиций,

¹ «Кабус-намэ», перевод Е. Э. Бертельса, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 168. Э. Браун, пересказывая содержание «Кабус-намэ», пишет: «If letters be written in Persian, they should be written with an admixture of Arabic, for unmixed Persian is distasteful» (E. G. Brown, A literary history of Persia, II, London, 1920, стр. 285). Последние (в кавычках) слова являются, вероятно, переводом, тогда как предыдущие — пересказом. Аналогичного места в переводе Е. Э. Бертельса не нахожу, что объясняется, повидимому, большими расхождениями в последних до нас текстах «Кабус-намэ», о чем подробно говорит Е. Э. Бертельс в предисловии к своему переводу.

² И. Ю. Крачковский, Бируни и его роль в истории восточной географии, сб. «Бируни», М.—Л., 1950, стр. 65.

³ В частности, в области историографии, как говорит В. В. Бартольд, «употребление персидского языка в исторической литературе западной Персии в эту эпоху еще не вполне упрочилось...» («Иран. Исторический обзор», Ташкент, 1926, стр. 69).

так и о том, с какой агрессивностью и действенностью велось на них наступление, выражавшееся в некоторых случаях, повидимому, в мероприятиях чисто практического характера, например, даже в виде запрещения изучения и преподавания арабского языка. Это свидетельство принадлежит другому знаменитому арабоязычному хорезмийцу — Замахшари и находится в предисловии к его грамматическому труду «Аль-муфассаль фи-нахв», написанному между 1117 и 1121 гг. Привожу перевод соответствующего места предисловия Замахшари:

«А ведь на этом (т. е. на арабском. — А. Б.) языке происходит их¹ научное общение и их собеседования и на нем преподавание их и прения, и на нем пишут их перья в свитках, и на нем пишут грамоты и указы правители их. Они имеют дело с арабским языком, куда бы ни отправились, не отрываясь от него, куда бы ни двинулись, они неразлучное бремя на нем, куда бы ни поехали. Затем они, в добавок к тому, отрицают его достоинство, отвергают его превосходство, уклоняются от почитания и уважения его, заурещают изучать и преподавать его и разрывают в клочья кожу его, жуют его мясо и в этом отношении они поступают по ходячей пословице: „ячмень едят и поругивают“, а в то же время завяляют, что они могут обойтись и без него и что они не имеют к нему никакого отношения. А если это так, то почему же они не разойдутся начисто с лексикой и флексией и не прервут все отношения между ними и собой, чтобы стереть с тefsира корана следы их обоих и стряхнуть с принципов права прах их обоих?... Ведь не говорят же они на [своем] варварском языке на лекциях и в кружках на диспутах с тем, чтобы потом убедиться, что не оставили они знанию красоты и приглядности и что избранные оказались подобными черни и что обратились они в посмешище для шутников и для смотрящих на это»².

М. Бехар³ приводит и другое аналогичное высказывание Замахшари в предисловии к другому его грамматическому труду — «Мукаддама ат-нахв», который был доступен Бехару в рукописи библиотеки медресиса. К сожалению, Бехар дает эти слова Замахшари не в подлиннике, а в собственном персидском пересказе, перевод которого привожу: «Джараллах Замахшари в предисловии к одному из своих грамматических сочинений выражается следующим образом: я написал эту книгу на зло шуубитам, не сочувствующим распространению арабского языка, с тем чтобы угодить богу и уткнуть в землю носы противников арабского языка».

Однако усилия арабоязычной тенденции в Иране и Средней Азии были обречены на неудачу. Движение сторонников распространения персидского языка на все области письменности являлось прогрессивной исторической закономерностью, отражало народную борьбу в ряде государств Ирана и Средней Азии против политический и идейной гегемонии арабского халифата. Многочисленные социальные слои, конечно, прежде всего бурно разрастающегося в предмонгольский период городского населения (ремесленники, торговцы, чиновничество и мелкое духовенство и пр.), властно требовали приобщения к образованности, как ее понимали в то время. Эти слои, как правило, не знали и не хотели знать арабского языка. «Поскольку в целом влечение людей к чтению арабских книг уменьшилось (qāsir gardid), — писал около 1145 г. Абуль-Маали Насраллах, переводчик «Калилы и Димны» с арабского

¹ Как явствует из предыдущих слов, имеются в виду «те, что пренебрегают арабским языком и унижают его и стремятся опустить светоч его, подвигнутый аллахом».

² См. изд. J. V g o s h (Christianiae, MDCCCLIX), стр. 2—3. В переводе этого довольно трудного текста мне любезно оказали помощь В. И. Веляев и А. Т. Тагирджанов, которым приношу большую благодарность. (Многоточие соответствует некоторому сокращению при переводе.)

³ М. Б е х а р, «Сабкшинаси», т. I, Тегеран, 1942, стр. 149, прим. 1.

языка на персидский, — те мудрые изречения и поствления были заброшены, а в некоторых случаях и совсем исчезли»¹. Та же причина — широкий социальный отказ от арабского языка — заставила в 1128 г. Кубави перевести на персидский язык известное сочинение Наршахи «История Бухары». «Поскольку большинство людей, — пишет Кубави, — не проявляет влечения к чтению арабских книг, друзья потребовали от меня, чтобы я перевел эту книгу на персидский язык»².

*

Как мы видели выше, переводчики и авторы научных сочинений X—XI вв. объясняли свое обращение к персидскому прежде всего потребностью приобщить к знанию тех простых людей, которым оно было недоступно ввиду незнакомства их с арабским языком. Так, перевод «Тэфсира» Табари был сделан, очевидно, не только для самого саманида Мансура, сына Нуха, но также и для прочих, не знающих арабского языка обитателей «той страны, где языком является язык парси». Оба других саманидских перевода с арабского (антишиитского сочинения и «Истории» Табари), видимо, тоже были рассчитаны не только на «знатную», но и на «простую» персоязычную аудиторию («чернь», по выражению В. А. Жуковского). «Даниш-намеи Алаи» Авиценны рассчитана, по его словам, на «служителей престола» какунда Мухаммада, сына Душманзиара, и для удовлетворения стремления последнего к постижению «науки древних». Второе сочинение Авиценны написано на персидском языке для того, чтобы польза от этой книги была «всеобщей»³.

Приведем еще ряд очень показательных высказываний. Первое из них принадлежит известному уже нам Шахмардану и содержится в его предисловии к неоднократно упомянутому сочинению «Нузхатунамеи Алаи». Автор рассказывает о том, что он, будучи в Астрабаде, «для отдохновения и для препровождения времени составил несколько книг, в том числе [книгу] «Китаб аль-бадаи» о свойствах, пользах и природах и о разных других науках, которые были выбраны мною из большого количества книг». Непосредственно за тем идут интересующие нас слова:

«Затем, поскольку эта книга была на арабском языке, захотел я, чтобы польза от нее распространилась и стала бы она всеобщей среди знатных и простых, [и] сделал я [на основе этой книги другую] книгу на [языке] парсийи дари, кое-что добавив и кое-что сократив, как должно, и систематизировал».

(Pas az bahri ān ki ba tāzī būd xāstam tā fāyidati ān mutadāvil va muntašir gardad va miyāni xavās va 'avām'amm bašad. Kitābi sāxtaam ba pārsiyi darī va bar ān ziyādat va nuqsān kardam čunān ki bāyist va tartīb gardānīdam).

*

Как было показано выше, во втором своем — астрономическом — сочинении Шахмардан еще явнее говорит о том, что «когда делают книгу на персидском [языке], заявляют, что это мы сделали для того, чтобы тот, кто не знает арабского [языка], не остался бы обездоленным», т. е.

¹ См. М. Бехар, указ. соч., т. I, стр. 231. Как отмечает М. Бехар, знание арабского языка, процветавшее в III—V вв. х. (IX—XI в. н. э.), в VI в. х. (XII в. н. э.) пришло в упадок. В противоположность мнению Бехара, это явление, как мы видели выше, не ограничившись одним Хорасаном, постепенно распространилось и на территорию собственно Ирана.

² Текст в изд. Шефера, стр. 2.

³ Деятельность этого какунда по переводу научных сочинений на персидский язык была очень энергичной. Позже по его же приказу был переведен трактат Авиценны «Хави, сын Якзана» (см. М. Бехар, указ. соч., т. II, 38).

смог бы удовлетворить свое стремление к приобретению знаний и образования.

Следующее высказывание принадлежит Газали. Оно содержится в его предисловии к выполненной им самим между 1097 и 1105 гг. персидской переработке его известного сочинения «Ихья улум ад-дин», названной им «Камияя саадат»¹.

«Эти четыре раздела и сорок принципов изложим мы в этой книге для персоязычных людей и удержим перо от высокопарных и недоступных выражений и от темных и трудных мыслей, чтобы понимание простых людей могло их постичь. Если же кто-нибудь захочет изучить то, что за пределами этого, то надлежит ему обратиться к книгам на арабском языке, как, например, к книге „Ихья улум ад-дин“ или „Джавахир аль-кураан“ и к другим сочинениям, которые написаны на эту же тему на арабском языке, ибо эта книга предназначена для простых людей народа, которые просили [у меня] изложить эту тему на персидском [языке], и нельзя выпускать слова за пределы их понимания. Господь всевышний да очистит их устремление в просьбе и наше устремление в исполнении...».

(Va mā andarīn kitāb jumlayi īn ṣahār'unvān [va ḥihil; asl šarh kunīm barāyi pārsīgūyān va qalam (л. 4а) nigāh dārim az'ibārati baland va muṭlaq va ma'niyi tārik va dušvār tā fahmi'avām ānrā daryābad ḥi agar kāsirā raḡbati tahqīqī va tadqīqī bāšad va varāyi īn buvad, bāyad ki az kutubi tāzi talab kunad ĩun kitābi «Ihyā'ulūm ad-din» va kitābi «Ĵavāhir al-qur'ān» va tasānifi dīgar ki dar in ma'nī ba tāzi karda āmada ast ki maqsūdi īn kitāb'avāmi xalq ast ki īn ma'ānī ba pārsī iltimās kardand va suxan az haddi fahmi īšān dar natavān guzašt, īzadi subhāna va ta'alā niyyati īšān dar iltimās va niyyati mā dar ijābat pāk gardānād).

Приведенные слова Газали очень показательны. Знаменитый богослов и организатор официальной церкви в молодом тюркском сельджукском государстве несомненно был особенно заинтересован в распространении своей доктрины среди широких кругов населения. В этих целях он вводил персидский язык в ранее запретное для этого языка богословие, снесьа использовать в интересах церкви новое могучее орудие идеологического воздействия на народ, лишь недавно вновь получивший письменность на родном языке.

С такой же целью обращается к персидскому языку младший современник Газали, автор упомянутого выше медицинского сочинения «Захирей Хорезмшахи», также озабоченный возможно более широким распространением своего труда: «Так [я] составил эту книгу.... и сделал [ее] на персидском языке, чтобы... польза от этой книги дошла бы до всякого человека и пользовался бы [ею] знатный и простой»².

Необходимость пользоваться персидским языком как средством для удовлетворения запросов широких неподготовленных кругов ощущал в начале XIII в. и знаменитый астроном Насираддин Туси при составлении своего столь популярного впоследствии сочинения «Ахлаки Насири». Вот что говорит Насираддин Туси в предисловии к этой работе, написанной им около 1225 г. в Кахистапе при дворе исмаилитского правителя (хакима) этой области Насираддина Абдаррахмана, сына АбуМансура³:

¹ См. М. Бехар, указ. соч., т. II, стр. 163. Текст привожу, сравнив три рукописи Института востоковедения АН СССР: 1) В-928 — экземпляр, переписанный в шабана 800 г. х. (апреле 1398 г.), 2) В-930 — переписан в 957 г. х. (1550 г.) и 3) А-314 — переписан в 1000 г. х. (1591—92 г.). В основу положен текст рукописи В-928, л. 36.

² Цитированное выше предисловие к «Захирей Хорезмшахи». Многоточие обозначает пропуск некоторых риторических оборотов.

³ Цитирую в переводе по единственно доступному мне здесь тексту индийской литографии 1913 г., стр. 8 и сл.

«Во время пребывания моего в Кахистане на службе хакима этой области, когда зашел однажды на меджлисе Насираддина Абдаррахмана, сына Абу-Мансура, разговор о книге Ибн-Мушкуйе «Китаб ат-тахарат», приказал он (т. е. хаким. — А. Б.) составителю этой книги то драгоценное сочинение обновить сменной словесной одеждой — переводом с арабского на персидский, ибо, если люди нашего времени, в большинстве своем лишенные образованности (адаб), от чтения этой книги приобретут знания, то будет это наиболее совершенным оживлением доброго дела».

Мы располагаем и другим свидетельством, относящимся к этому времени, т. е. к началу XIII в., и к такому значительному центру культурной жизни Ирана, как салгуридский Шираз. Здесь, как известно, около 1230 г. было закончено составление наиболее полного трактата по персидской поэтике — «Аль-му'джам фи ма'аир аш'ар аль-'аджам» Шамси Кайса Рази¹. Рассказывая в предисловии об обстоятельствах написания своей работы, Шамси Кайс сообщает, что трактат в первой редакции был им написан на арабском языке с примерами из арабских поэтов. Вслед за тем, прибыв в Шираз и восстановив в первоначальном виде ту часть работы, которая погибла во время столкновения с монголами, он представил свое сочинение на рассмотрение ширазских «фузала». Часть из них работу одобрила, однако «другие острословы и поэты, творившие чудеса в области стихов парси и образов дари, стали возражать против того, что сочинение основано на арабском языке, говоря, что не следует соединять два [разных] сочинения в одно и давать одно разъяснение для двух [разных] языков таким образом, что польза от этого будет ограничена только одним народом и ни одному из людей тех двух языков не будет возможно извлечь из этого пользу для себя. Общепринято, что авторы вводят в персидские сочинения арабские стихи или арабские отрывки, в которых есть надобность, но никто не вводит персидских стихов или толкований лексики дари (šarh va naqdī luḡati dārī) в арабские произведения. Именно по этой причине ходжа имам Рашид Катиб, вознамерившись разъяснить тонкость искусства [писания] арабских и персидских стихов и составить сочинение о правилах для них, построил свою книгу „Хадаик ас-сихр фи дакаиш аш-ши'р“ на основе языка дари и изложил стихотворные приемы и объяснил словесные фигуры на языке дари, ибо знал, что польза от этого будет более распространенной (ʿāmmatar bašad) и удовлетворение от чтения этой книги увеличится у большинства людей. Ведь всякий арабизованный (mustaʿrib) человек сумеет понять персидский стих, но не всякому персоязычному поэту (zāʿirī pārsīgīyū) доступно понимание арабского языка»².

Таким образом, и в данном случае перед нами свидетельство современника о разделении культурного слоя общества на две части — двуязычную и только персоязычную; для удовлетворения интересов последней и был написан на персидском языке лучший в истории персидской литературы научный трактат о поэтике.

Вышеприведенные наблюдения касались, как было указано, прежде всего языка впеелитературных — научных, прозаических текстов. Первым образцом светской художественной прозы на персидском языке был, возможно, не дошедший до нас перевод со среднеперсидского языка «Синдбад-нам» — древнего сборника рассказов «о женском коварстве», выполненный в саманидской Бухаре³.

Насколько нам известно, эта попытка была единственной. Другими

¹ Издание GMS, X, 1909, с предисловием М. Казвини.

² Там же, стр. 7—8 предисловия автора.

³ См. Е. Э. Бертедьс, Образец таджикской художественной прозы XII века, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения», IX, М., 1953, стр. 38. Датировка этого перевода 950-м годом все же сомнительна.

словами, арабский язык, вытесненный в X в. из области поэзии и научной прозы, продолжал сохранять свои позиции в области прозы художественной («Макамы», «Калила и Димна», «1001 ночь» и др.). В течение X и первой половины XI в. в Средней Азии и Иране возникло более 20 прозаических произведений на персидском языке в различных отраслях науки, в том числе в историографии, а также в области суфизма¹, но первый достоверный образец светской художественной прозы², после упомянутого выше неясного для нас перевода «Синдбад-намэ», появился только примерно через 250 лет после внедрения персидского языка в область поэзии. Этим первым образцом был упомянутый выше перевод знаменитого цикла древних басен «Калила и Димна», выполненный около 1145 г. в Газне. Рассказывая о своих предшественниках, переводчик Абуль-Маали Насраллах говорит, что он перевел с арабского и обработал старый сюжет, «... дабы воскресить эту книгу, которая была тысячелетним трупом, чтобы люди не остались в стороне от пользы ее»³.

По собственному определению Насраллаха, его обработка выразилась в «отделке слога» путем «распространения слов и раскрытия намеков». Следующее произведение этого рода появилось уже через 11—12 лет. Это «Макамы» Хамидаддина Абу-Бекра Махмуди — произведение, написанное в Балхе в 1156—1157 гг. и представляющее собой сильно авторизованную переделку знаменитых арабских «Макам» Хамадани и Харири⁴.

В пространном предисловии к своему сочинению автор совершенно определенно говорит о причинах, которые привели его к созданию персоязычного варианта столь популярных «Макам», написанных на арабском языке его предшественниками (первый из них был по происхождению персом). Причины эти — те же, что и в отмеченных выше случаях: приобщение к арабоязычной образованности более широкого круга людей, лишенных дотоле возможности пользоваться ею ввиду незнания арабского языка.

«Во время сего собрания и приобретения⁵, — пишет Махмуди, — сказал мне тот, повиновение приказу которого было для души моей сущностью обязательности и заповедью очей и исполнение повеления которого [было] для чести моей долгом и верой: обе сии прежние соединенные макамы, составленные в арабских выражениях и хиджазских словах, хотя и совершенны, однако нет от них пользы для всех неарабов. Если бы мускус и алоэ этого благоволия насытились еще амброй, то обоняние ума наполнилось бы благовонием такой тройственной смеси и если бы эта двойная чаша стала тройной, то драгоценное ее ожерелье отменило бы [надобность] в драгоценных камнях рудников. Хотя каждая из этих [макам] по красноречию — рудник и по прелести — душа, однако обе они составлены арабскими словами и мясное яство и халва их — в хиджазской тесде. Неарабы лишены тех удивительных тонкостей и персы не владеют теми поразительными словами. Сказки балхцев не хороши в словах керхийцев, а рассказы

¹ См. М. Бехар, указ. соч., т. II, разделы 1, 2 и 3.

² Мы не считаем такой художественной прозой суфийские рифмованные молитвы Ансари (†1088 г.).

³ М. Бехар, указ. соч., т. I, стр. 231, примечание.

⁴ По свидетельству самого Махмуди (в предисловии к его сочинению), оно начато в конце месяца джумада II 551 г. х. (в августе 1156 г.). Об авторе и его произведении см. подробнее Э. Браун, указ. соч., II, стр. 328 и сл., а также М. Бехар, указ. соч., т. II, стр. 328 и сл., где дан подробный стилистический разбор произведения.

⁵ Имеется в виду испытанное автором наслаждение при чтении «Макам» Хамадани и Харири.

рейцев не привлекательны в выражениях арабов. Четверостишие:

Если с новым другом надлежит говорить о старом горе,
То говорить нужно обязательно на его языке.
La taf'al и if'al¹ не принесет особенной пользы,
Когда нужно сказать персу kun и shakun.

В следующей части предисловия Махмуди говорит о том, как он подошел к обработке своих арабских образцов и как обходился со стихотворными цитатами. Непосредственно затем заканчивает он предисловие следующими словами:

«Таким образом, смешал я арабское с персидским и продел в уши слов арабские украшения и дарийские жемчуга, дабы читатели знали, что в осанненности нет упущения и в состоянии нет слабости, а помощь и содействие от Аллаха...»².

Так обнажаются перед нами самые корни риторического стиля персоязычной художественной прозы—последнего участка средневековой письменности, оставшегося во власти арабского языка в Средней Азии и в Иране. В этом нашел свое завершение первый период формирования того литературного языка феодального общества, который впоследствии лег в основу нарождающихся национальных языков—языка иранской буржуазной нации, с одной стороны, и таджикской социалистической нации, с другой.

Приведенные факты из истории развития персидского языка вполне подтверждают некоторые принципиальные выводы, сделанные, как было указано в начале этой статьи, П. И. Конрадом на материале истории литературных языков Японии и Китая. Выводы, подкрепленные и проверенные материалом из смежной области, приобретают характер положений, определяющих некоторые общие закономерности развития литературных языков. Эти положения таковы:

1. Сложение национального литературного языка является лишь заключительным этапом длительного и сложного подготовительного процесса в виде развития литературного языка народности в недрах докапиталистической формации.

2. В процессе своего развития литературный язык народности может пройти через «несколько различных по времени исторических форм»³ в пределах одного языка.

3. В определенных исторических условиях смене подвергается не предшествующая «историческая форма» данного языка, а господствовавший ранее по тем или иным причинам язык другой народности—прежнего политического гегемона.

4. Противоречие между одним литературным языком и другим, идущим ему на смену, носит ярко выраженный антагонистический характер и отражает глубокие общественно-политические противоречия процесса образования и жизни отдельных народностей.

5. Новый литературный язык, идущий на смену старому, есть всегда язык исторически прогрессивный, более совершенный, т. е. отвечающий требованиям значительно более широкой социальной базы. Победа нового литературного языка есть исторически неизбежная закономерность.

¹ «Не делай» и «делай» по-арабски и то же по-персидски соответственно в 4-й строке.

² Перевод текста, сведенного по литографированным изданиям: Тегеран, 1290/1873, стр. 4 и Кауялур, 1296/1879, стр. 4—5.

³ П. И. Конрад, указ. соч., стр. 40.